

«31 Монт Меррион-авеню

Продается

Звонить по номеру 08838997372

Риелторская фирма “Фоксхаус”»

ДЕНЬ 1. ДОМ С КРАСНОЙ ДВЕРЬЮ

Наш странный ирландский дом можно было найти по адресу: 31 Монт Меррион-авеню, и если бы вы заглянули на эту шумную улицу, то прямо напротив новой и нарядной церкви, звонившей каждый день в полдень, вы увидели бы наш красивый дом с красной дверью и медузой Горгоной вместо звонка. Вдоль серой каменной стены все так же плел бы свою паутину английский клен, а розы, что наполняли наши окна ароматами любви, к этому моменту уже отцвели бы и скромно стояли по углам, дожидаясь следующего года. Парадная дверь всегда была заперта, но если бы случайный прохожий проявил смекалку и спустился бы вниз по лестнице, то смог бы

сделать удивительное открытие: стеклянная дверь на кухню всегда открыта и ждет своих домочадцев.

Нас было восемнадцать. По три-четыре человека в каждой комнате. Вместе мы делили быт, праздники и хоть как-то дробили холодный лед одиночества в Дублине. Национальный контингент нашего дома с красной дверью тоже разнился: индус, аргентинка, десять бразильцев, две мексиканки, француз, китайка, итальянка и я, русская.

Итальянка всегда держалась особняком, предпочитая проводить время вне дома, надираясь до беспмятства и облевывая подворотни Сити-сендер, китайка писала докторскую и все свое время проводила в университете, бразильцы сразу создали свой круг, и потому все время мы делили с аргентинкой, французом и индусом. Дождливые дни мы проводили дома. Вероника решила стать для меня старшей сестрой и взяться за организацию моей личной жизни. Вечерами, когда наша китайка возвращалась из универа и заваливалась в пальто и обуви под одеяло, у нас начи-

нались практические занятия по обустройству личной жизни.

— У меня никогда не было мужчины. В Китае с этим строго. В декабре мой парень поедет домой и получит сертификат.

— И вы правда за два года ни разу?

— Нет, я ему говорю: хочешь — вначале женись.

— То есть он на тебя получает сертификат? — не годовала я.

— Так заведено.

Вероника подхватывает эту тему и начинает учить Яну, как быть сексуальной и соблазнительной. Уж у нее-то большой опыт!

— Я шлюха и знаю это. Но мне все равно. У меня шесть свиданий в эту субботу, и они все меня хотят.

Веронике сорок, и она, как и все женщины, ревностно относится к своему возрасту. Она купила огромную похудательную машину и пока вечером уплетает горячий бутерброд с колбасой и сыром, проходит этим аппаратом по жировым складочкам. Вероника дико психует, когда весы показывают, что она набирает вес... Она купила накладные волосы и покрасила их в свой цвет. Если комната благоухает ароматами аммиака, это значит, что Вероника собирается на свиданку. Она промывает волосы аммиаком, сушит их феном и собирает в пучки или косы. Аргентинская леди работает программистом и много времени проводит за компьютером — как на работе, так и дома. Зарплата нехилая — 3000 евро. В этом году наша мадам решила вкладывать деньги в ценные бумаги, а потому познакомилась с солидным банкиром, который, с ее слов, «тоже ее хочет».

Помимо Вероники и китайки, у меня завязалось общение с французом и индусом. С первым нас связывала любовь к Франции и общение на французском языке, а со вторым нечто большее: ментальная связь. Индус учил меня готовить горячий чай масала, рассказывал об Индии и о своем детстве.

ДЕНЬ 2. ИЗ ИНДИИ С ЛЮБОВЬЮ

В день, когда он появился на свет, в их город пришла страшная буря, которая переросла в наводнение. В четыре часа пополудни мать его разразилась стонами. Тут же пришла старая ведающая женщина и приготовила несколько чанов с водой для роженицы. Роды были тяжелыми. Многие думали, что она не разродится, но взрослая индийская женщина, которая на своих плечах перенесла тяготы не одной жизни, так просто сдаваться не хотела. Вода вышла из реки, она суетливо и деловито заполняла улицы и чуланы, а потом принялась заполнять грязной коричневой жидкостью дома всех обитателей этого маленького города. Роженицу пе-

ренесли на крышу дома, где буйные раскаты грома смешивались с ее собственным криком. Она начала молиться. Вспомнила, как два года назад ходила к святому, что живет высоко в горах. Тропа была опасной: вокруг тут и там сновали тигры, лишь десять человек осмелились пройти этот опасный путь. Когда они наконец добрались до вершины, мудрый старец с длинной седой бородой вышел к страждущим и показал пальцем на нее.

— Войди, — сказал он.

Она молча повиновалась. Хижина святого была старой, ветхой, зато чистой и теплой. Он налил гостье чай и предложил сесть на пол.

— Ты много страдала, — начал он. — Семья твоего мужа проклинает вас каждый день. Они совершают черные ритуалы, чтобы оборвать линию вашего рода. Будь начеку. Тебя еще много ждет страданий, но Вишну любит тебя и потом дарует вам дитя.

— Три года уже никак не можем, — почти шепотом произнесла она.

— Возьми и съешь. — Старец протянул ей два семени кардамона.

Она сжала семена в руках, а потом вложила в рот и проглотила. Через две недели она забеременела, а еще через десять месяцев родила близнецов. Роды были тяжелыми, оба мальчика оказались переносными, но когда мудрецы предложили ее принять травы для стимуляции родов, она наотрез отказалась.

— Они придут в отведенное им время. Это дети, подаренные Вишну.

Оба мальчика оказались здоровыми и крепкими.

Раздался очередной раскат грома, и женщина вернулась в тело, она вновь ощутила боль и дитя, которое всеми силами старалось прийти в этот мир.

Джейтн родился лишь к утру. В день, когда он родился, в город их пришла буря, которая принесла с собой наводнение. Июль, период тяжелых муссонов и тропических дождей. Жизнь его просто не могла быть простой, но он был любим богом, и это давало ему силы идти дальше. Смерть отца, попытки близнецов отравить младшенького, которому доставалось больше любви и тепла матери, тетка, что постоянно читала заговоры, — все это заставляло ребенка закрываться в себе и искать правду в красоте. Джейтн все время проводил с мамой. Она учила его готовить и шить, танцевать и заботиться о доме.

— Помни, — говорила она, — еда — это способ собрать всех твоих любимых людей за одним столом. Через еду ты передаешь свои чувства. Признаться в любви, выразить тревогу и даже обиду — все это ты можешь сделать через карри.

Много лет спустя уже взрослый мужчина будет вспоминать эти слова матери, готовя гречневые блины на кухне в Дублине. Он действительно научился

выражать чувства при помощи еды. За свою долгие тридцать лет жизни он впервые влюбился... Однако любовь его была запретна и грязна. Он полюбил мужчину. Он сам не понял, как это произошло, когда отеческая забота и дружеская привязанность к студенту из Франции переросла в нечто большее. Ради него он освоил все вершины французской кухни и сейчас готовил традиционные бретонские блины.

— Я тебя удивлю, — говорил он своему французу.

— Попробуй. Я не стану врать, если блины твои окажутся лишь пародией на французскую кухню.

Как раз в этот момент в комнату вошла я. Забитый нос, температура и озноб привнесли в жизнь дополнительных красок и заставили меня хоть ненадолго вернуться в реальность.

— Salut, Ça va¹? — спросил меня француз и поцеловал в щеку.

Я обняла обоих и поинтересовалась, чем это они тут занимаются.

— Мы готовим гречневые блины, — парировал француз.

В этот момент индус поставил перед ним тарелку и сказал:

— Ну, пробуйте, месье Гаспар.

— Дана, ты пробуй первый. — Он поставил тарелку передо мной. — Я подожду следующий.

Индус попытался запротестовать, но француз отшутился. Я взяла нож, вилку и отрезала маленький кусочек. Вкус этого творения поразил меня в самую душу. Этот блин был не чем иным, как признанием в любви, поцелуем влюбленного. Глаза мои наполнились слезами, я заглянула в глаза моего нового друга и увидела в них боль, отчаяние и дикое, неисчерпаемое одиночество. Сославшись на насморк, я пошла в туалет и попыталась осмыслить то, что происходило в нашем многолюдном доме на Меррион-авеню... Правда была настолько простой и уродливой, что у меня невольно начались рвотные позывы.

ДЕНЬ 3. СОБИРАТЕЛЬНИЦА ПЕРЧАТОК

Утром следующего дня меня можно было найти на набережной Лиффи. Я осмысливала то, что узнала вчера. Тема однополых отношений всегда была для меня отвратительной и неприемлемой. А сейчас это все оказалось ко мне ближе, чем я думала. Джейтн за эти два месяца стал для меня родным человеком, и потому открытие дня оглушило меня и выбило почву из-под ног. Наверное, поэтому сегодня я вернулась домой позднее обычного — мне нужно было пережить и разложить по полочкам все те эмоции, которые штормили мою душу. Когда я вошла

в комнату, то увидела у Вероники на кровати большую гору черных перчаток. Эта гора черных шерстяных рукавичек так поразила меня, что я вовсе забыла о том, что не давало мне покоя целый день. Я сняла обувь, повесила куртку на крючок, обняла подругу и спросила:

— Откуда у тебя так много перчаток?

— Я их подбираю на улице, когда еду на велике. Знаешь, сколько людей теряет перчатки? Я вот тоже раньше постоянно без перчаток оставалась, потому что когда на велике катишься, не замечаешь, когда они выпадают.

— Так интересно! Выходит, ты у нас собирательница перчаток?

— Выходит, что так.

Вероника не пользовалась общественным транспортом, предпочитая более тривиальное средство передвижения — электрический велосипед. Каждый раз, когда она приезжала с работы, глаза ее были красными, и я прекрасно понимала, что это не ветер, но никогда не задавала ей вопросов, а просто обнимала ее и наливала чай. Вероника была благодарна мне за эти минуты близости, а я ей.

Выходные она, как правило, проводила у своего ирландского бойфренда. Высокий, худощавый, с ледяными, как снег, глазами, он был очень похож на местного лепрекона. Зеленую кровь в нем выдавали большие и острые уши, а также непонятная форма головы. Он был довольно скуп на слова и на чувства. Всегда пунктуальный, всегда строгий и педантичный, он был полной противоположностью огненной, теплой и суетной Веронике. Она его не любила, отчасти оттого, что секс с ним был совсем плох. Маленький член, слабая эрекция и полное отсутствие какой бы там ни было страсти сводили сексуальную жизнь этой парочки на нет. И это волновало сорокалетнюю женщину, и волновало очень сильно. Ее кризис сорокета вылился в очень странное и непонятное маниакальное желание «лечь под нож», причем сразу в нескольких местах: нарастить пятую точку, убрать жир с щек и заморозить биоматериал для последующего вывода потомства. Вероника много тревожилась о будущем, отчасти оттого, что родители, которые жили в далекой Аргентине, были стары и слабы здоровьем, а ее братьев и сестер куда больше волновало собственное счастье, нежели благополучие родителей. Так, наша сорокалетка разрывалась между Ирландией и Аргентиной, не зная наверняка, что ей делать в этом огромном и одиноком мире.

Но в тот день, когда она начала собирать перчатки, в ней что-то переменялось: она больше не плакала, приезжала домой в приподнятом настроении. На время в ней воцарился покой, а между тем гора перчаток в углу все росла и росла. На прямую прогрессию не

¹ Привет, как дела?

вливали ни трудности на работе, ни ссоры с Дареном, ни здоровье родителей. Впервые за долгие годы Вероника в чем-то обрела стабильность.

ДЕНЬ 4. ПОРТНОЙ ИЗ РИО

В то же самое время на кухне наш француз с аппетитом поедал яичницу и слушал рассказ Джейтна о другом домочадце, религиозном бразильце тридцати двух лет, который ревностно относился к своей седине, пел в церковном хоре, носил только брендовую одежду и ел из хрустальной посуды.

— Дуда родился и вырос в Рио-де-Жанейро. Он не помнил ни дня из своей жизни до двадцати четырех лет. Клубы, алкоголь, наркотики и беспорядочные половые связи. Дуда не думал о последствиях. А потом в его жизнь пришел бог. Пятого сентября 2007 года.

— Ты что, присутствовал при этом? — Француз засмеялся, и жидкий желток соскользнул с вилки.

— Он мне сам рассказывал, — ответил индус оскорбленно. — Ну так вот. Он зашел в церковь. Священник пригласил его исповедаться. Они разговаривали три часа, Дуда плакал. Когда он вышел из церкви, то решил, что больше не будет тратить жизнь на людей: он подарит ее Богу. Дуда овладел ремеслом портного. Он открыл в себе горячую любовь и безумную страсть к одежде. Взглянув на человека один лишь раз, он понимал его мерки и особенности фигуры. Дуда много молился, читал Библию и помогал в сиротских приютах. Он больше не принадлежал себе. Он, как и прежде, был один в этом огромном мире, поскольку родителям никогда не было до него дела, а с братьями у них были холодные отношения.

— А что же с девушками? Не срелось?

— Девушка, которую Дуда горячо любил, оставила его со словами «Ты слишком идеальный». Он, как и прежде, был один, только теперь в его жизни был хоть какой-то мало-мальский смысл. Этого было достаточно для того, чтобы Дуда перестал принимать наркотики и алкоголь. Через пять лет Бог сделал ему подарок: Дуда переехал жить в Ирландию. Здесь он не мог, как прежде, шить костюмы, зато мог их продавать. Уже через три месяца Дуда стал одним из лучших продавцов. С ним не могли сравниться даже коренные ирландцы, знающие о портном деле все и даже больше.

— Каждое воскресенье он ходит в церковь и все также читает Библию, — добавил француз.

ДЕНЬ 5. ОДЕЯЛО

Как-то мы решили посмотреть испанский фильм с Вероникой. Купили чипсы, «Гинесс» и сидр, разложили одеяло на полу, набросали поду-

шек и водрузили компьютер на наш обогреватель, который в это самое время тепло потрескивал. В тот самый момент, когда наш импровизированный кино-театр был готов, в дверь постучали.

— Войдите, — сказала Вероника.

Это был еще один бразилец, ставший частью нашего быта.

— Вероника, я хотел попросить тебя заварить мне немного мате. Мне в ночную смену, а очень спать хочется. — Он нервно сглотнул слюну и переступил с ноги на ногу.

— Конечно, сейчас. — Вероника вскочила с кровати и побежала на кухню.

Сорокалетний Андерсен совсем не был похож на именитого сказочника. Широкоплечий, сутулый, ко-солапый на обе ноги, он напоминал самого настоящего медведя: всегда небритый, со странным рас-сеянным взглядом, наполненным непониманием и страхом. Он был похож на большого детину, который только что на базаре потерял маму. Андерсен работал киченпотером¹. Работа, надо сказать, адская: 24 на 7 скрести, тереть, лобзать противни и другую кухонную утварь — так себе работенка. Но была в жизни этого странного человека одна особенность: отвратительная и прекрасная. По ночам нашего сказочника одолевали сны, да такие сладостные и мучительные, что стокилограммовый детина, будто юная девушка, краснел, щеки его румянились, а лоб покрывался испариной. Он со всей силой, присущей взрослому мужчине, зажимал одеяло между ног и, не пытаясь сдержать трепетное наслаждение, начинал стонать, чем вызывал неудовольствие своих соседей по комнате. А потом наступал следующий серый и обыденный день. Наш киченпотер, уставший и разбитый, оказывался выброшенным на трассу реальности. Он устало собирался, устало чистил зубы и устало шел на работу.

Андерсен страшно боялся людей. Кажется, это называется антропофобией. Потому он выходил на кухню только ранним утром, когда все еще спали, или поздней ночью, когда все уже спали. Его панически раздражала грязь, а потому перед тем как начать что-то готовить, он вылизывал стол, печь и тарелки. Андерсен любил ананасовое варенье и сладости из кислого молока. Он варил их каждый день, наполняя кухню тошнотворными парами кислоты. Он покупал ананасы каждый день, резал ананасы каждый день, чистил ананасы каждый день и варил ананасы каждый день. Две радости наполняли смыслом жизнь этого странного человека: ананасы и его прекрасное одеяло.

Вероника вернулась через минут десять. Мы оку-нулились в водоворот хитрых событий и пучину страсти

¹ Киченпотер — посудомойщик; человек который моет посуду в ресторане.

испанской кинематографии, а Андерсена, выпившего горький и терпкий мате, проглотила ночная сырость Дублина. И он отправился на работу, с которой вернется ранним утром и вновь обнимет свое одеяло.

ДЕНЬ 6. ЕЛКА

Ани в нашем доме тянулись долгой вереницей монотонных картинок будней. И вот за окном стоял уже холодный ноябрь, предвещающий холодную атлантическую зиму, а наш дом был наполнен жаркими спорами с бразильским акцентом о том, когда ставить елку.

— Сейчас! — почти прокричал наш бразилец Дуда, а потом как бы в доказательство своей правоты запел Christmas is the most wonderful time of the year.

— Да рано еще, — упирались мы вместе с моим индийским другом, — дух праздника быстро улечитится.

После долгих ссор, переходящих в политические дебаты, было решено поставить елку 17 ноября. Это казалось верным решением, ведь многие наши друзья уезжали домой на рождественские каникулы, а наряжать елку хотелось всем вместе.

Я записала себе в ежедневник «17 ноября, в 19:00, быть дома, елка».

В обозначенный день я получила эсэмэску, которая изменила все мои планы на вечер, — мне написал «мой индус». Так мы называли этого странного мужчину в кругу друзей. Его звали Саджал, и в свои тридцать два он не только успел сделать хорошую карьеру, работая с консалтинговыми фирмами Дублина, но и сколотил приличное состояние в виде собственной жилплощади и спортивного авто. Мы познакомились на встрече MBA, куда я пришла из чистого любопытства, а он — с крепким намерением освоить эту бизнес-программу. Между нами пробежала искра, а может быть, дохлая собака, черт его разберет. Мы писали друг другу сладкие сообщения в инсте, обменивались фотками, внимательно следя за сторис друг друга. В тот вечер он позвал меня гулять, и я просто не могла сказать нет, а потому после пар я рванула домой. Открыв стеклянную дверь, ведущую на кухню, я увидела ребят: в мишуре и с коробкой, полной елочных игрушек. По очереди целуя всех своих «гномов», будто Белоснежка, я медленно, но верно пробиралась к лестнице.

— Ты куда? А елку наряжать? Мы же только тебя и ждали! — запротестовали ребята.

— Милые мои, не в этот раз, — запыхавшись, извинялась я.

Распахнув дверь своей комнаты и хлопнув ею так, что штукатурка посыпалась с потолка, я закричала:

— Вероника, ОН приедет через час. Что делать?

Вероника, будто ожидавшая запуска ракеты, обнажила свой арсенал — тени, тон, румяна — и принялась

наносить мне «экстренный макияж». Через полтора часа я, идеально накрашенная, сидела в черной спортивной куртке, слушала Black Vascardi и разговаривала о поясе Ориона. Звездном. Мы колесили вдоль побережья, поднимаясь на Килдари-Хилл. Когда же я вернулась домой, немного пьяная от шампанского своих эмоций, елка уже стояла при параде и сияла разноцветными огнями. На меня она даже не посмотрела.

Два месяца прошло с тех самых пор, минуло Рождество, канул в Лету Новый год, а вместе с ним и мой индус, с которым нам оказалось не по пути. А елка все еще стояла, мерцая огнями, и все так же не поднимала на меня своих глаз, а лишь напоминала о тех днях, когда чудо казалось совсем близко, а счастье спало в ложбинке между ключицами.

Но вот все тот же бразилец, наш кристмас-мен, Дуда, огласил: 7 января убираем елку. Я записала все в тот же блокнот и даже сделала пометку флажком, что означало «Важно». Но вот незадача: за два дня до назначенной даты елка подняла на меня свои горящие глаза и улынулась. Она решила дать мне второй шанс в виде пилота из Венесуэлы, который писал чудесные стихи на испанском и был богом кулинарного искусства. В день, когда я должна была помогать ребятам убирать елку, я отправилась в трехчасовой полет по жизни абсолютно незнакомого мужчины.

Когда мой самолет приземлился и я вернулась домой, елка была уже голой. Она сиротливо стояла в углу и, как мне показалось, немного горбилась. Ей будто было стыдно за свой вид. Я подошла, погладила ее по пушистым зеленым лапам и сказала:

— Спасибо тебе, милая. Ты мое чудо.

Она подмигнула мне и, устало дрогнув ветками, закрыла глаза. На кухню прибежал кристмас-мен и принял меня журить за то, что я такая необязательная:

— Завтра сама разбирать елку будешь. Вот тебе секатор.

Я печально взглянула на зеленую кудесницу и с отвращением сжала секатор. Елка вздохнула, как бы давая понять, что она устала и все происходящее ее несколько не тревожит. Я ветка за веткой обрезала ее руки, волосы, ногти, наполняясь запахом смолы. Когда я закончила, то груда веток встрепенулась и выдохнула «Увидимся в следующем году, твоя елка». Слеза покатила по щеке, и я смахнула ее смолистой рукой: «Увидимся в следующем году».

ДЕНЬ 7.

ЛЕСБИЙСКИЙ ПАБ КОММУНИСТОВ

Я установила Тиндер. Наш дом долго возмущался на этот счет, но в конце концов сдал позиции и махнул на меня рукой, как бы говоря: «Да делай ты, что хочешь». Двухнедельные исследования

этой забавной и занимательной социальной сети привели меня к выводу, что мужчины в этом приложении делятся на три категории. Категория А — «извращенцы-сексоискатели», начинающие разговор с фразы типа «Я подарю тебе самый незабываемый секс в жизни». Категория В — «брошенные», мужчины, которые переживают разрыв со своими бывшими и пытаются отвлечься. Надо сказать, что делают они это самым дебильным образом, заполняя весь свой профайл фоточками со своими бывшими половинками. И наконец, категория С — «нормальные парни», ну или условно нормальные. Они хотят отношений, эмоциональной близости и тепла. Таких в Тиндере немного, но они есть.

Группы А и В я всегда отправляла в мусорку, а иногда и в ад. Парни, с которыми я общалась, были исключительно из категории С. Как-то я рассказала Веронике о своей «научной классификации» мужчин из Тиндера, на что она мне ответила:

— Знаешь, в моем возрасте, от сорока до пятидесяти, классификация меняет составляющие компоненты. Мужчины группы А — «хорошие отцы»: они постоянно тычут тебе телефоном в лицо, показывая фотки своих детей и рассказывая самые мелкие подробности из жизни их спиногрызов. Ты можешь и не узнать, где работает твой потенциальный мужчина, зато будешь знать, что в три года, когда у его сына была аллергия, он ел только мясные пюре «Агуша». Мужчины типа В — «моя жена сука» — с особой страстью повествуют о том, какая бывшая жена сука-стерва-тварь. В эпилоге рассказа он добавит главу о том, какой он святой и как нелегко ему пришлось. И наконец, тип С. Стразу предупреждаю, что в моей классификации тип «нормальный» отсутствует. Тип С — «занудный перфекционист». Эти мужчины — убежденные холостяки, которые привыкли к комфортному одиночеству, больничному порядку и покою. Только вот в сорок пять им вдруг необходимой и важной становится семья. И пока ты у него в гостях, он старается до миллиметровой точности передвинуть мебель и установить температуру обогревателя, а когда ты говоришь что-то типа «Мне холодно», он отвечает, что температура идеальна и он лучше знает.

— М-да, — протягиваю я. — Вероника, а давай мы с тобой научную статью напишем: «Типология мужчин в Тиндере».

Мы рассмеялись и подумали, что это могло бы стать интересным опытом. Как бы то ни было, в Тиндере я раскопала парочку интересных парней: Бразильца, запомним читающего Достоевского и страдающего от многочисленных душевных травм; Ирландца, который оказался фанатом ролевых игр и обращался со мной как со студенткой, которой нужно выполнить домашнее задание или сдать зачет; Американца, который оказался писателем в жанре фэнтези, и, конечно же, индуса, который желал немедленно жениться на мне и клялся в

своей вечной любви. Из всего этого папье-маше самым годным казался писатель: он исправно лайкал мои фотографии в инсте, был вежлив и умел рассуждать о негнелном. А потому на предложение выйти воскресным вечером прогуляться я дала положительный ответ.

— Куда пойдём-то? — спросила я.

— В лесбийский паб коммунистов.

— Куда-куда?

— Ты там не была?

— Нет. А что, лесбиянки могут быть коммунистами?

— А почему нет?

Вызов был принят, и в первую очередь это был вызов, брошенный самой себе.

Около семи вечера мы встретились с Тайлером на набережной Лиффи и пошли в этот уникальный паб. Одним из очевидных достоинств Тайлера было то, что он занимался писательским ремеслом. У нас с ним ни разу не возникло ощущения гнетущей и некомфортной тишины, какая случается в дни первого знакомства. Любые пустоты мы заполняли заплатками из литературы.

О чем это я?.. Ах да, лесбийский паб коммунистов. Он был огромным и розовым. Потолок был украшен радужными флагами в поддержку ЛГБТ, а на многочисленных телевизорах играли фрагменты из коммунистического прошлого. Был в этом баре уголок, заполненный настольными играми и другими занимательными вещичками. Весь бар делился на две зоны. Зона тишины, где на тяжелых дубовых столах красовались свечи. «Для романтиков», — подумалось мне. Вторая зона была более развязной. Здесь играла громкая музыка, крутились непристойные видео, а сами посетители говорили чересчур громко и были навеселе. Первое разочарование в этом баре застало меня, когда я не нашла ни единой лесбопары. Бар был заполнен гей-парочками и гетеросексуалами. С одной гомопарочкой мы познакомились в тот вечер. Ребята сидели рядом, они громко разговаривали, присаживались друг другу на колени и много пили. Очень много. Я не помню, как завязался разговор, да только остаток вечера мы провели вместе. Ник рассказал, что они с Джо познакомились в Тиндере («Все дороги ведут в Тиндер», — подумала я) и переписывались два месяца. В тот вечер было их первое свидание.

— Ребят, у вас тоже свиданка? — спрашивал Ник.

— Типа того, — ответила я.

— Тогда целуйтесь! — завопил он и обратился к моему писателю. — Она тебе нравится?

— Да, — смущенно сказал он.

— А он тебе? — обратился ко мне Ник.

— В общем, да, — ответила я.

— Целуйтесь! — И как бы подкрепляя свои слова, он впился в мясистые губы Джо, который был настолько пьяный, что почти уснул.

Писатель придвинулся ко мне ближе, но я остановила его, жестко давая понять, что поцелуя из диснеевского хеппи-энда ему не светит.

Писатель немного пригорюнился, мы пропустили еще по пинте и окончательно прихмелели. Нам стало весело, мы играли в настолки, пели песни. Бар показался мне еще более розовым, а пара напротив — еще голубее. Ноги размякли, взгляд стал менее резким, а в голове родилась мысль: «Наверное, так и должно быть в лесбийском пабе коммунистов: массово, громко и с притуплением чувства сознания и собственного достоинства».

ДЕНЬ 8. ЧУЛАН

В тот день мы сильно перебрали, и потому на следующий день я решила организовать себе внеочередной выходной. Нужно было не только полежать в постели, глотая таблетки аспирина вперемешку с лаймовой водой, но и убрать свое обиталище, которое казалось крайне захламленным.

Меня почему-то всегда тянуло убирать завалы. Я привыкла к этому с детства, ведь когда в доме нужно было убрать особенно грязную комнату, мама отправляла меня. А с течением времени у меня появилось какое-то маниакальное желание приводить в порядок захламленные шкафы и их скелеты. У нас в доме на Меррион-авеню как раз был такой скелет. Ребята называли это место темной комнатой, потому что в ней не было света. Никто точно не знал, что есть в темной комнате, поскольку никто и никогда не убирал просторы этой микровселенной. Вещи, которыми-ты-не-пользуешься-но-выкинуть-жалко, всегда находили место в темной комнате. Но вот наступил тот день, когда невидимый голос заставил меня открыть захламленный чулан. Голос этот говорил: «Открой завалы, найди прошлое, убей старое». Я ему почему-то сразу повиновалась. Вытащив все пожитки прошлых жильцов, которые включали не только одежду, сломанную технику, но и сигареты, прокладки и конфеты, я стала чистить плесень и пробираться глубже, туда, где лет двадцать назад жила семья. Я видела детские игрушки, тяжелые бордовые шторы в стиле ампир, серые кнопочные телефоны с трубкой на серой пружинке. Сердце мое защемило... Я как будто прикоснулась к прошлому, прошлому, которого больше нет: вот дети играют с мячом в саду, вот отец сидит в кожаном кресле и курит сигарету, пока в камине потрескивают дрова. Я видела их рождество, их ссоры и праздники... В тот момент повеяло холодом, и земля, которая не была закрыта ни деревянными досками, ни линолеумом, оказалась особенно черной. Захотелось плакать, но я сдержалась. Прокашлялась и выпустила пыль из легких.

Темная комната наконец была чиста и пустыня. Голос вновь заговорил со мной. «Спасибо тебе. Скоро ты получишь Дар».

ДЕНЬ 9. СУББОТНЕЕ УТРО

Прошла неделя, и следом за темной комнатой я стала приводить в порядок свою жизнь: начала ходить в качалку, установила себе расписание и разослала резюме по работодателям. И хотя прошлое черной тенью следовало за мной, моя жизнь обрела мало-мальскую стабильность. Мне было хорошо: ушла пустота, которая вот уже столько дней заполняла все мое пространство. Физические нагрузки и адреналин сделали свое дело и сожгли апатию, депрессию, лень: мне снова захотелось жить.

В пятницу пришел Лендлорд, он сообщил нам о том, что хозяин дома умер. Эта новость потрясла меня до глубины души. Прикоснувшись к темной комнате, я обрела некую близость с семьей, что жила в этом доме... И только я раскопала прошлое, как оно постучалось в дверь. Наш Лендлорд был взволнован, он что-то бубнил про себя... Я чувствовала, что что-то не так.

На следующее утро я поняла, в чем заключалась причина нервного поведения нашего хоста. Той ночью мне снились кости, расхищение гробницы и земля. Невольно подумала, что это, наверное, к тому, что я убралась в чулане и выкинула много старых вещей, принадлежавших бывшим хозяевам.

Я проснулась в девять и не ожидала ничего необычного. Протерев глаза, я потянулась за телефоном, чтобы посмотреть последние новости друзей из инстаграма. Вместо очередной ленты фоток у меня в телефоне всплыло длинное сообщение от нашего Лендлорда, который очень сухо сообщил нам о том, что через месяц дом выставят на продажу и нам нужно будет выселиться 15 февраля до 20:00. И почему именно до 20:00? Нелепость какая-то...

С того мирного субботнего утра в нашем доме яркими языками пламени заиграла тревога. Мы с Вероникой разговаривали до двух-трех ночи о том, чего нам так и не удалось добиться в жизни, а когда темы заканчивались, то мы молчали, время от времени тяжело вздыхая. Люди сразу стали ближе друг другу: вместе готовили, вместе смотрели фильмы и вместе не мыли посуду, которая уже вываливалась из раковины. Я стала чаще выходить на задний двор, оставлять орешки местной белочке и играть с соседским котом Сэмом. Я уже любила этот дом, он стал для меня родным... После сообщения Лендлорда меня будто покинули жизненные силы: тело мое было окутано пучками усталости, в комнате копились завалы вещей, а сон становился моим хобби, и у меня абсолютно не было сил двигаться дальше. Этот переезд как-то сразу

меня сломал, а перспектива менять район, дом и людей совсем не казалась мне привлекательной. Я много работала, а домой возвращалась поздно вечером, уставшая и сгорбленная, выпивала стакан иван-чая и заваливалась спать, не ожидая нового дня.

ДЕНЬ 10. СОН

Так прошла неделя. Наступил еще один дождливый понедельник, в который мне приснился удивительный сон.

На улице стоял густой туман, такой сказочный, что поварами его, казалось, были братья Гримм. Этот белый дым, разбавленный пышными кустами зелени и соцветиями желтых цветов, порождал волшебных существ, которые тут и там шептали тайны на ухо случайному прохожему. Я поймала одного из них за нос и отчитала за то, что его сородичи опять пошалили с проводами у нас в доме, отчего электричество не работало всю ночь, а мои домочадцы тряслись от холода. Опешивший маленький тролль с медовыми глазами и темно-голубой шерсткой с удивлением посмотрел на меня, а потом энергично замотал головой и сказал:

— Это не мы. Ваш дом умирает.

— Как умирает? — опешила я.

— Ваш дом умер в тот день, когда его покинули хозяева. Дом без заботливых рук всегда умирает, правда, очень медленно, от тоски. Эти люди, которые кличут себя распорядителями, завели его сердце, но не вернули душу. Оттого-то и постоянные перебои: сердце отказывается работать без души.

Я вспомнила ощущение, которое было дома утром: будто кто-то умер. Дом был бездыханным, тихим и пустым. Я отпустила тролля, погладила его по шерстке и спросила:

— Как его оживить?

— С тебя грамм серебра! Я просто так советы не даю.

Я нашла монету в пятьдесят центов и протянула маленькому существу:

— Это не серебро, а медь, зато это настоящие деньги, и ты сможешь себе купить зефирку.

Тролль прикусил монетку маленькими острыми зубками, как бы раздумывая над моим предложением.

— По рукам, — наконец сказал он.

— Ну, говори! Как оживить дом?

— Нужно его полюбить. Заставить его вам доверять.

— Ты шутишь?

— Нет, конечно. Вы, люди, конечно, дрянные существа: сейчас пробудите дом, а потом его на продажу через полгода, да?

— Но я ведь...

— И не стыдно? — перебил меня тролль. — А дом потом будет страдать, чувствуя, как разрушают его, стирают его воспоминания.

— Иди куда шел, и не шалите здесь больше!

— Вот паскуда! — выругался тролль. — И откуда такие людишки только берутся! Совсем нас не боишься?

— А чего бояться-то?

— Что я тебе на ухо разных гадостей нашепчу и ты потом еще целую жизнь разгребаться будешь?

— А ты не боишься, что я тебе нос оторву и ты потом как-то без носа будешь?

Тролль попятился и зашипел, а я поспешила домой. Издалека я услышала, как звонит колокол местной церкви. Было только 11 часов дня, а это значило только одно: похороны. Я вспомнила цитату из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол», и мне казалось, что колокол звонит по нашему дому, что это наш дом умирает. Я ускорила шаг, а вместе со мной и дождь. Мы торопились: я ножками, он каплями. Ты только живи, живи, молила я дом, и слышала, как он тяжело и медленно дышит. Стены его дребезжали, поддаваясь тяжести пробегающих мимо автобусов, плющ жалобно провисал под тяжестью дождевых капель. И я плакала вместе с домом, приложив руку к мокрой и обшарпанной стене.

С крыши спустился все тот же тролль.

— Чего ревешь-то?

— Дом жалко, — зашмыгала я.

— Дом ей жалко! Таких глупых паскуд я еще не встречал. Кончай мокроту разводить и слушай сюда. Ты можешь облегчить сердце дома, выслушав его историю. Ему нужно поделиться.

— Историю?

— Да, просто слушай. Он будет говорить с тобой, и на сердце у него станет легче. Он ведь любит...

Я достала мятную конфету и протянула ее троллю. Он звучно захрумкал зеленым леденцом. Я дотронулась до его мокрой головки и погладила его макушку. Он не укусил меня, а, напротив, поластился и шире раскрыл свои медовые глаза, отчего они стали похожи на два бильярдных шара. Я достала пакет леденцов, выгребла всю мелочь из кошелька и отдала троллю. Он быстро схватил мешочек и помчался прочь...

Когда я проснулась, дождь продолжал мерно бить по крыше, а дома никого не было. Я вышла из своей комнаты и погладила стены, спустилась на кухню и перебрала ракушки. Я сидела и вслушивалась в громкую тишину... Я пыталась ощутить дом, почувствовать его и услышать. Дом не проронил ни единого слова, кроме «Люблю». Глаза мои наполнились слезами. Дом говорил о любви. Выставленный на продажу, оставленный хозяином, он продолжал говорить о любви.

«31 Монт Меррион-авеню

Продается

Звонить по номеру 08838997372

Риелторская фирма «Фоксхаус»»